

ЗАВИРАЙКА

(Разсказъ)

Это было не только до эмиграціи, но даже до революціи, даже еще года за четыре до великой войны; право, мнѣ иногда кажется, что случилась эта исторія лѣтъ сто или двѣсти назадъ.

Я тогда зарылся на всю зиму въ Новгородскую лѣсную глушь въ запущенное барское имѣніе «Даниловское». Въ моемъ распоряженіи былъ старинный деревянный домъ въ два этажа и въ четырнадцать большихъ комнатъ. Отопить его весь — нечего было и думать, хотя дрова были свои, и — въ любомъ количествѣ. Поэтому топилъ я ежедневно только одну комнату, самую изъ нихъ малую, въ которой жилъ, работалъ и спалъ, топилъ ее собственноручно, также, какъ самъ и подметалъ ее и ставилъ себѣ самоваръ, и оттаявалъ воду для умыванія. Никто изъ сосѣдняго крестьянства не соглашался идти ко мнѣ для услугъ, или на кухню: ни бабы, ни мужики, ни парнишки, хотя у меня съ деревенскими и были прекрасныя отношенія, хотя крестьянство здѣсь и считалось бѣдноватымъ, хотя я и сулилъ за пустяшную службу царскую плату, подумайте: цѣлыхъ три рубля въ мѣсяцъ.

Обѣгали вовсе не меня, а именно, тотъ большой старый сѣрый, съ бѣлыми колоннами домъ, въ которомъ я жилъ. Во всѣхъ сосѣдскихъ деревняхъ: въ Трестенкѣ, Бородинѣ, Никифоровѣ, Основкѣ, Высотинѣ, Свистунахъ, да пожалуй, во всемъ Устюженскомъ уѣздѣ, каждый мужикъ твердо зналъ и крѣпко вѣрилъ, что въ Даниловскомъ домѣ на чердакѣ находится черный гробъ, а въ гробѣ этомъ лежитъ огромная страшная мертвая нога, и что по ночамъ нога эта ходитъ по всему дому и горько плачетъ, взывая о погребеніи.

Сколь эти рассказы ни казались вздорными, однако, — странно сказать: въ нихъ была доля истины. Однажды, роюсь на чердакъ, среди пыльнаго вѣкового мусора, я наткнулся на солидный черный ящикъ съ застежкамн, формою похожій не то на футляръ для какого то музыкальнаго инструмента, а то пожалуй и на гробъ. Я открылъ его. Въ немъ дѣйствительно, лежала нога, но вовсе не мертвая, а искусственная прекрасно сработанная, со ступней, все какъ слѣдуетъ, и обтянутая превосходной толстой голландской замшей. Тутъ же я нашелъ и костыль къ ней. Судя по размѣрамъ этихъ вещей, я убѣдился, что ими пользовался когда то человекъ большого, на рѣдкость роста. Позднѣе я даже узналъ, кому изъ героевъ войны 1812-го года она служила при жизни.

Какъ бы то ни было, благодаря «Мертвой Ногѣ» я въ этомъ огромномъ домѣ былъ осужденъ на одиночество, въ условіяхъ Робинзона до его встрѣчи съ Пятницей. За то я смѣло могъ бы держать всѣ двери въ домѣ раскрытыми настежь, если бы, конечно, не глубокая зима и не пронзительные вѣтры, которые и, безъ того, гуляли по двумъ этажамъ и по чердаку ветхаго столѣтняго дома, воя въ трубахъ, визжа въ щеляхъ, свистя въ дырявыхъ рамахъ. Признаюсь, порою, по ночамъ, и мнѣ становилось жутковато...

Кромѣ меня обиталъ въ усадьбѣ черезъ дворъ отъ меня въ маленькомъ низенькомъ флигелькѣ управляющій, Араповъ, тамъ же ютилась экономка, она же и стряпуха, престарѣлая Елена Степановна: да еще по утрамъ рубилъ дрова, крякая и кашляя, какой то дѣдушка Иванъ; гдѣ онъ ночевалъ не знаю: похожъ онъ былъ на рождественскаго дѣда-Мороза.

Араповъ ко мнѣ по вечерамъ никогда не заглядывалъ. Онъ тоже слышалъ о «Ногѣ». Его боязливость меня удивляла: былъ онъ раньше во время японской войны храбрымъ матросомъ, принималъ участіе въ Цусимскомъ боѣ, спасалъ свою жнзнь вплавь, послѣ того, какъ корабль взорвали, и былъ выловленъ изъ воды японцами, взявшими его въ плѣнъ.

Я у него обѣдалъ и ужиналъ. Днемъ онъ иногда забѣгалъ ко мнѣ — у меня находился складъ пороха, дроби, шомполовъ, пистоновъ и разныхъ машинокъ для снаряженія патроновъ. Но онъ очень бывалъ недоволенъ, когда я предлагалъ ему лично удостовѣриться въ томъ, что въ черномъ ящикѣ лежитъ обыкновенное издѣліе рукъ человѣческихъ изъ дерева и замши. Онъ каждый разъ отворачивался, отмахивался, трясъ головой и кричалъ:

— Умоляю васъ, умоляю, не надо!.. Видѣть не могу мертвецовъ!.. — Ничего я съ нимъ не могъ подѣлать.

Но былъ Араповъ страстнымъ охотникомъ и, что еще важнѣе, хорошимъ товарищемъ на охотѣ. А охотиться мы стали не только для удовольствія, но и по нуждѣ. Ежедневная каша съ пустыми щами и солонина надоѣли. Мяса негдѣ было доставать. Между тѣмъ, всякому извѣстно, что заяцъ, прошпигованный саломъ и чеснокомъ, да сжаренный въ сметанѣ, представляетъ собою вовсе недурное блюдо. Счастье наше было, что мужики зайца не ѣдятъ, считаютъ его дикой кошкой и вѣрують, что взять онъ былъ Ноемъ въ ковчегъ, въ качествѣ одной изъ нечистыхъ паръ. Иначе зайцы давно бы перевелись на Руси.

Я пріѣхалъ въ Даниловское позднею осенью, въ ту пору, когда въ лѣсахъ опавшій листь уже слежался на тропинкахъ и почернѣлъ. Охота, въ такое время называется охотою по чернотропу, весьма интересна. Но — бѣда! — собакъ въ Даниловскомъ совсѣмъ не было, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ негодныхъ дворнягъ и дворняжекъ, которыми такъ богата бывала каждая русская усадьба. Ёдучи въ «Даниловское» (уже не въ первый разъ) я надѣялся достать хоть неважнаго выжлеца, хоть плохонькую выжловку у Александра Семеновича Трусова, у этого «Великаго Охотника», у этого «Длиннаго Карабина», «Кожанаго Чулка» и «Слѣдопыта», у этого кротчайшаго изъ людей, который убилъ въ своей жизни 64 медвѣдя, десятки рысей и лосей, сотни волковъ и лисъ и тысячи зайцевъ. Но еще въ Весъегонскѣ узналъ я отъ ямщика, Сергѣя Пят-

нышкова, что волею Божьей Александръ Семеновичъ скончался въ прошломъ маѣ, а огорченная вдова всю его знаменитую охоту распродала, чтобы не тревожить сердца видомъ былыхъ мужниныхъ воспитанниковъ и любимцевъ.

Что за охота безъ гончей? Да, я знаю, есть любители «т р о п и т ь» зайца. Найдутъ свѣжій его слѣдъ на снѣгу: двѣ лапки рядомъ, двѣ лапки одна за другой, и идутъ по слѣду, какъ по тропкѣ, пока не найдутъ лежачаго и не застрѣлятъ его. Вѣдь онъ бѣгаетъ только ночью, а весь день лежитъ. Но такъ охотятся —извините за выраженіе — шкурятники. У нихъ много терпѣнія, но вдохновенія и поэзіи ни на грошъ.

Вотъ мы съ Араповымъ и мечтали все о выжлецѣ. И какъ съ кѣмъ встрѣтимся, или кто въ «Даниловское наѣдетъ, непременно клянчимъ: «можетъ о гончей собачкѣ гдѣ прослышите, такъ постарайтесь, душенька, для насъ. И мы вамъ, когда понадобится, за услугу услугой, не считая того, что зайчишекъ вамъ будемъ при всякой оказіи посылать».

Провинція, уѣздъ, деревня — это особая страна: тамъ мельчайшіе слухи и вѣсти растекаются во всѣ стороны не хуже радіо-телеграфа. Уже осень стала совсѣмъ холодной, густой по утрамъ иней серебрилъ поля и пудрилъ деревья, и морозъ тонкимъ ледянымъ лакомъ затягивалъ морщинистые пруды. Наконецъ, однажды ночью пошелъ снѣгъ и проснувшись, мы увидѣли изъ оконъ бѣлую зиму. Первая пороша! Какъ дрожатъ охотничьи сердца при звукахъ этихъ двухъ словъ!

Въ эту же первую порошу, какъ разъ и случилось чудо. Къ обѣденному времени заѣхалъ въ «Даниловское» изъ деревни Круглицы (10 верстъ отъ насъ) Круглицкій почтъ-директоръ, онъ же почтмейстеръ, онъ же единственный чиновникъ и единственный почтальонъ почтоваго отдѣленія, козлородый, длинный, и многодѣтный Головановъ. У меня, по тѣмъ соннымъ мѣстамъ и временамъ была невидано большая корреспонденція. Поэтому Головановъ, вмѣсто того, чтобы по тамошнему обычаю посылать мнѣ почту съ любымъ попутнымъ

ямщикомъ, предпочиталъ привозить ее лично. Впрочемъ, можетъ быть, были и другія причины такой любезности.

Онъ по скромности долго отнѣкивался, но, все таки, мы усадили его за столъ, разогрѣли солонну, нашелся кусокъ старой желѣзной колбасы, графинчикъ водки и бутылка пива. Тутъ то, придя въ радужное настроеніе, почтъ-директоръ хлопнулъ себя по колѣнамъ и воскликнулъ:

— Да! Чтобы не забыть! Говорятъ, вы для охоты собачку приискиваете? Такъ вотъ, у насъ въ Козлахъ, на выселкахъ живетъ вдовая женщина, вродѣ, какъ однодворка, и у нея имѣется довольно ладный кобелекъ, гончакъ, годовъ двухъ, не болѣ. Это отъ самого покойнаго Александра Семеныча ей подарокъ, щенкомъ еще выпросила. Теперь на чѣпѣ онъ сидитъ. Она, можетъ, и согласится продать? Попробуйте. Если хотите, я съ ней поговорю? А то поѣдемте сейчасъ со мною.

Мы попили чайку и поѣхали на головановской двухклевой трясучкѣ. Ызды всего было полтора часа до крошечной усадьбы, стоявшей сбоку деревни какъ бы на отлетѣ. Мы въѣхали въ широкій чистый дворъ. Тамъ, у столба, привязанный на длинной цѣпи, метался и отчаянно лаялъ отличный гончій песъ, блестяще черный, съ густо-рыжими подпалинами, рослый и широкогрудый. Я никогда не похващаюсь, что подойду къ любой цѣпной собакѣ. Но если, по одному взгляду и по звуку голоса, я опредѣляю, что лаетъ песъ умный, необозленный и незабитый, то иду безъ всякаго колебанія. Въ этихъ случаяхъ надо только не забыть, что протягивая собакѣ руку, слѣдуетъ держать ее вверхъ ладонью, притомъ широко открытой, чтобы собака убѣдилась, что камня въ ней не спрятано.

Старая женщина, вышедшая на крыльцо, крикнула:

— Ты поберегись, кормилецъ! Онъ тебя загрызетъ.

Но собака не тронула меня. Обнюхала руку и, туго натянувъ цѣпь, уперлась мнѣ въ грудь мускулистыми передними лапами. Кусокъ солонины, который я предусмотрительно взялъ съ собою, былъ принятъ благосклонно и проглоченъ мгновенно.

но, а хвостъ выразилъ самую размашистую признательность. И тутъ то я обратилъ вниманіе на глаза этой собаки. Они были ярко-рыжаго цвѣта, живые и серьезные. Ихъ взглядъ былъ твердъ, довѣрчивъ и проницателенъ, безъ малѣйшаго оттѣнка угодливости. Они не бѣгали, не моргали, не прятались. Казалось, они настойчиво спрашивали меня: Зачѣмъ я живу здѣсь, посаженный на цѣпь? Зачѣмъ ты пришелъ ко мнѣ? Вѣдь не со зломъ? Такъ умѣютъ смотрѣть лишь лохматая пастушьи собаки въ горахъ.

Затѣмъ я познакомился съ хозяйкой, Анной Ивановной. Узнавъ, что я хочу купить пса, она раскудаhtалась. «Ахъ, да какъ же это! Ахъ, да я не знаю. Ужъ больно песъ-то хорошъ. Завирайка-то. Такимъ псамъ цѣны нѣтъ, если на охотника. Вѣдь, изъ Трусовской псарни собачка, самого Александра Семеныча. Порода-то какая»... Потомъ сдѣлала скорбное лицо, помолчала, вздохнула и спросила съ сомнѣніемъ:

— Трешницу не дадите?

Три рубля я охотно далъ. Предлагала она еще и цѣпь за одинъ рубль. Отъ цѣпи я отказался. Но изъ вѣжливости набавилъ этотъ рубль за старый, никуда не нужный ошейникъ. Тутъ вдова сразу повеселѣла и не хотѣла меня отпустить безъ того, чтобы я не испробовалъ ея домашняго пива. Пришлось выпить съ нею ковшикъ густой, какъ кисель, солодовой бурды, помянувъ добрымъ словомъ память покойнаго «Великаго Охотника» Трусова. Разстались мы пріятелями. «Если тебѣ собака не на цѣпь, а для охоты, то лучшаго кобеля не найти нигдѣ».

Я пошелъ домой пѣшкомъ, ведя Завирая на веревкѣ. Но онъ шелъ со мной такъ послушно, охотно и весело, что я спустилъ его на свободу. Онъ съ явнымъ наслажденіемъ бѣжалъ впереди, роясь носомъ въ молодомъ снѣгу, спугивая съ дороги воробьевъ. Но стоило мнѣ свиснуть, или окликнуть его по имени — онъ тотчасъ же останавливался и поворачивался ко мнѣ поднятой кверху мордой съ внимательными яркими гла-

зами. Я махаль рукой, говорилъ «Иди», и онъ опять пускался впередъ. Что за чудесный песъ! — ликовалъ я.

Но въ воротахъ я принужденъ былъ снова взять его на веревку, потому что со всѣхъ концовъ усадьбы сбѣгалось все собачье населеніе: и Патрашка, и Жучка, и Султанъ, и Рябчикъ, и Кадошка, и Барбоска, и Чирипчикъ, и Сѣрко, и — кладбищенскаго сторожа, — Чубарикъ, помѣсь таксы съ борзой. У собакъ есть рыцарское правило: собаку лежащую, или на привязи не трогаютъ. Однако, лай и руготню даниловскія собаченки подняли ужасающую. Завирайка прижимался ко мнѣ бокомъ, нервно приподымалъ верхнюю губу, показывалъ изъ нея бѣлый огромный клыкъ и, оборачиваясь на меня, ясно говорилъ выразительными глазами. «А что? Не задать ли имъ трепку?»

Араповъ былъ въ восторгѣ. Ему только не понравилось простонародное имя — Завирай. «Гораздо лучше бы — говорилъ онъ, — назвать его Милордомъ, или Фиделемъ, или Жужой». Дѣло въ томъ, что онъ состоялъ подписчикомъ «Петербургскаго Листка» и больше всего на свѣтѣ обожалъ великосвѣтскіе романы княгини Бебутовой. Но я не уступилъ.

За то мнѣ пришлось уступить ему въ другомъ. Я уже, глядя на Завирайку, лакомился мыслью, что нашель въ немъ для моего Робинзона жителя въ четырнадцати нежилыхъ комнатахъ, своего Пятницу. Однако, Араповъ правильно указалъ на то, что, во-первыхъ, гончую собаку трудно приучить къ комнатной опрятности, а во-вторыхъ, что въ теплѣ собака изнѣживается, теряетъ чутье и на охотѣ легко простуживается. Мы рѣшили постелить для Завирая сѣна подъ навѣсомъ у кухни. Впослѣдствіи, когда зима установилась прочно и настали холода, мы сдѣлали изъ снѣга большой трехсторонній валъ, примкнувъ его къ стѣнѣ флигеля и оставивъ узенькій входъ. Сверху мы покрыли это сооруженіе крышей изъ соломы. Конечно, со временемъ, всѣ усадебные псы устроили въ этомъ домикѣ, подъ покровительствомъ Завирая, общую, уютную спальню, и чувствовали въ ней себя превосходно. Бывало, въ жестокой мо-

розъ, вечеромъ, просунешь руку внутрь, сквозь солому, и, просто прелесть, какая тамъ бывала живая густая теплота. Однимъ словомъ, — собачій рай.

Въ тотъ день намъ не пришлось охотиться: день стоялъ теплый, и снѣгъ раскисъ, а на завтра хватилъ холодокъ, сдѣлалась гололедица. Потомъ пошли метели. Все невезло намъ съ погодами.

Дней черезъ десять повалилъ, наконецъ, тихій крупный мохнатый снѣгъ. Изъ-за его сплошной сѣтки не стало видно, ни деревень, ни лѣса. Шелъ онъ цѣлый день и къ вечеру вдругъ пересталъ, точно улегся спать въ глубокой тишинѣ, неподвижности и тьмѣ.

Утромъ, чуть свѣтъ, мы вышли въ поле. Былъ легкій холодокъ. Солнце взошло, точно праздничное. Отъ него снѣгъ казался розовымъ, а тѣни деревьевъ нѣжно голубыми. Заячьихъ слѣдовъ было великое множество, а вокругъ стоговъ снѣгъ прочно былъ притоптанъ лапками «жировавшихъ» ночью зайцевъ.

Но Завирайка... Завирайка совсѣмъ огорчилъ насъ. Напрасно мы наводили его на самые свѣжіе, еще казавшіеся теплыми слѣды, тщетно мы его тыкали въ нихъ носомъ, указывали руками направленіе, уговаривали и умоляли его. Онъ глядѣлъ высоко поднявъ голову, то на меня, то на Арапова и говорилъ настойчивымъ взоромъ: «Я готовъ слушаться, но объясните цѣль. Зачѣмъ?»

Такъ промучились мы съ нимъ три дня. Говорилъ иногда Араповъ: «Запустить бы ему зарядъ картечи подъ лѣвую лопатку. Да, жаль, онъ и патрона не стоитъ.. Вообще никуда не годный песъ». Но, — вралъ впопыхахъ, со злости. Въ охоты относился къ собакѣ заботливо.

А на четвертый день вотъ что произошло.

Только вышли мы изъ усадьбы на малую горушку, гдѣ начинались крестьянскіе выгоны, какъ Завирай остановился и началъ нюхать снѣгъ, яростно болтая хвостомъ. Помню, Ара-

повъ сказалъ: «Должно быть, дуракъ, мышъ земляную почуялъ». Но въ ту же секунду изъ снѣга выскочилъ столбомъ огромный палевый русакъ и помчался впередъ, точно бѣшеный. Врядъ ли за нимъ угналась бы и борзая собака.

Завирай былъ великолѣпнень.

Онъ не растерялся, не замаялся, не потерялъ ни одного мгновенія: онъ въ ту же секунду бросился за русакомъ, и скоро мы потеряли его изъ вида. Еще прошла минута — мы услышали его голосъ... Знаете, какъ гончая лаетъ, идя за зайцемъ.

Она, бѣдная, все жалуется: Ай, ой, ай! Батюшки, меня обижаютъ! Что мнѣ, ай, ай, бѣдной дѣлать? Ай, ай, ай!.. Слышно было, что Завирайкинь лай повернуть направо. Тутъ была рука Арапова, и онъ началъ, изготовивъ ружье, потихоньку продвигаться вправо. Гонъ Завирайки становился все тише, почти умолкъ, но вдругъ едва слышно возобновился и сразу сталъ слышнымъ и яростнымъ.

Я стоялъ со стороны и мнѣ все было слышно и видно. Я видѣлъ, какъ Араповъ прицѣлился. Потомъ изъ кустовъ выскочилъ свѣтло-бурый заяцъ. Тотчасъ же бѣлый дымокъ вырвался изъ араповскаго ружья и одновременно съ нимъ заяцъ перекувыркнулся черезъ голову и легъ въ снѣгъ. Потомъ раздавался слабый — пукъ! — это былъ выстрѣлъ. И потомъ уже изъ кустовъ вырвался громко плачущій Завирай.

Онъ съ разбѣга ткнулся въ заячье тѣло и тутъ же присѣлъ на задъ. Когда мы подошли къ нему онъ представлялъ комически-печальное зрѣлище: наморщенная морда опущена внизъ, уши висятъ, общій видъ скорбный — ну ни дать, ни взять, лицемѣрная вдова. Но когда я ему бросилъ заячью лапку, тотъ самый суставъ, который дамы употребляютъ для румянъ, — онъ поймалъ ее на лету, сочно хрустнулъ ею и мгновенно проглотилъ. И съ этого момента онъ сдѣлался первокласснымъ гончимъ псомъ. Въ то же утро онъ безъ всякихъ нашихъ намековъ и указаній сталъ самъ разыскивать заячьи слѣды, гналъ зайцевъ чутко и безошибочно; и съ охотничьей страстью умѣлъ соеди-

нять хладнокровный расчетъ. Онъ выгналъ на насъ въ этотъ день еще четырехъ зайцевъ; одного изъ нихъ во второй разъ положилъ Араповъ, другого я. И надъ каждымъ изъ нихъ онъ неизмѣнно (какъ и всегда потомъ) устраивалъ фигуру грустной вдовы... Вскорѣ онъ сталъ знаменитостью на весь уѣздъ, но слава не испортила его кроткаго и чистаго характера.

**

Сейчасъ у меня ограничено мѣсто для писанія. Но когданибудь я расскажу объ одномъ случаѣ, въ которомъ Завирай проявилъ такую преданную дружбу, такую силу доброй воли, и такую сообразительность, какія и среднему человѣку сдѣлали бы большую честь.

А. Купринъ.